

Михаил Пинский

Улисс

*Светлой памяти
дочери Леночки
посвящаю.*

Предисловие

Подготовительные работы начались. Над помещённым в гермокапсулу бесчувственным телом Улисса «колдовала» команда роботов-операторов. Трапп и Ахилл расположились на смотровой площадке и сверху наблюдали за приготовлениями. Вот, наконец, работы завершились, и гермокапсула с Улиссом направилась в зону сканирования, затем в сектор перемещения, где заняла место на стартовом стапеле.

Генератор начал разгон. «Девятьсот, восемьсот девяносто девять, восемьсот девяносто восемь, восемьсот девяносто семь...». Пошёл обратный отсчёт времени.

Ахилл, напряжённо наблюдавший за

манипуляциями персонала, с явным облегчением и вместе с тем как-то задумчиво произнёс: — Картина достойная великого воина. Трапп, эта гермокапсула напоминает мне ладью викингов, несущую в последний путь тело великого конунга, короля...

Трапп как-то удивленно посмотрел на друга, презрительно скривил рот, но ничего не ответил.

— ...Впрочем, по сути, королём Улисс так и не стал. Он всегда оставался, скорее, удельным князем с мелкокняжескими амбициями. Для короля важно видеть панораму. А Улисс её не видел. Точнее, не хотел видеть, ослеплённый собственной славой и дешёвым величием... А скажи, тебе его не жаль? Всё-таки он считался нашим братом.

— Жаль. Не жаль. Брат. Не брат. — Устало и несколько раздражённо ответил Трапп. — Всё это ерунда. В тебе Ахилл так и не выветрился до конца рабский дух Пансионата. Это слабость брат. Её надо искоренять. Жалость, удел низших социальных групп. Нельзя поднявшись наверх оставаться там опираться на эмоции. К чёрту эмоции. Мы должны стоять выше их... Удивительно Ахилл, как ты можешь руководить финансами Семьи с такими представлениями... Да, Улисс для всего мира считался нашим братом. Нашим «Старшим Братом. Нашим Сильным, Непобедимым Старшим Братом». И

предначертанный нам с тобой удел — вечно оставаться под огромной тенью нашего «Старшего Брата и Великого Воина» Улисса. Ха, ха-ха-ха...

Трапп нервно и как-то взвинчено-истерично захохотал. Действие «космодури» ещё не прошло, сообразил Ахилл и с сожалением подумал, что Трапп сильно изменился. Такими темпами «дурь» быстро добьёт его... А, впрочем, возможно, это и к лучшему. Двум королям на троне не усидеть. И им рано или поздно придётся делить этот трон...

— ...Так было, не спору. Ну и что? Важно не кем Улисса кто-то считает, а кем он в конечном итоге стал. А он стал тормозом, обузой для Семьи, её интересов... Ахилл, скажи мне, откуда у Улисса эта маниакальная страсть к войне? Мы воспитывались вместе. Я готов принять войну любого уровня, если это необходимо для дела. Ты меня знаешь, я никогда не боялся хорошей драки. Но я категорически против тех бессмысленных и вредных войн, которые бесконечно вёл Улисс со всем миром. С правительством, конкурентами, создавая ненужную напряжённость, разрушая финансовую стабильность Семьи. Война всегда неопределённость и опасность. Особенно теперь, когда нами обнаружены огромные, практически неисчерпаемые запасы ОРСа. Теперь стратегия Семьи должна измениться коренным образом... Ахилл, ты понимаешь грандиозность

открывающихся перспектив?

— Я бы даже сказал, фантастичность. — Согласился Ахилл. — С такими запасами ОРСа можно покорить галактику. Можно отправить в поисковые экспедиции десятки супергалеонов многократно могущественней «Левиафана». Огромных, скоростных аппаратов способных прошить галактику насквозь и обнаружить планеты пригодные для жизни, а не копошиться подобно червякам в навозной куче на перенаселённой Земле, убогой Луне или твоём Марсе.

Финансовых средств у нас хватит...

— Верно. Перед нами открываются захватывающие перспективы... Ахилл, некоторое время я ещё смогу придержать информацию. Но с каждым днём это становится делать всё труднее и труднее. Сейчас нас спасает созданная мной информационная блокада, но я боюсь, что скоро правительству станут известны реальные запасы пласта ОРСа, и тогда их невозможно будет остановить. За такой огромный пласт этого сверхтоплива они будут биться до последнего бойца. Надо не мешкая консолидировать все дружественные нам силы в единый кулак. Под нашим генеральным руководством Ахилл. Только так. Все козыри у нас с тобой брат. Необходимо торопиться. Если начнётся глобальная война, на Марсе станет по-настоящему жарко. И эту войну

планета может не выдержать. Не для этого потрачены столетия напряжённой работы, силы и колоссальные финансовые средства, чтобы в одночасье разрушить неустойчивое равновесие планетарной экосистемы. Ахилл, мы любой ценой не должны допустить войну. Мы с тобой не узколобые вояки вроде Улисса. Сейчас любая война станет работать против нас. Нам надо несколько лет мира. И тогда мы непобедимы и фантастически могущественны. Могущественны настолько, что сможем диктовать этому чёртовому миру свои условия... Ахилл, ты ведь понимаешь, что наступает новая эпоха. Наша старушка-планета уже не сможет сонно дремать как раньше. Перед нами раскрываются просторы галактики, нет, вселенной... А Улисс с маниакальным упорством не желал это понимать... Поэтому его место в гермокапсуле.

— Видишь ли, брат, Улисс возводил империю, опираясь на фундамент, созданный до него Гаем Непобедимым и свои собственные представления воина. Представления примитивные монохромные лишённые полифонии и цветовых нюансов... Но, понимаешь, эти представления Улисса полностью устраивали. Улисс не рвался за горизонт как ты. У него нет твоих глобальных амбиций. Пойми, Улисс не политический стратег. Он воин. И невозможно требовать от него ничего

другого.

— В любом случае я рад, что больше проблем с этим воином у нас не возникнет. Улисс теперь проблема старины Зака. Надеюсь, Зак выполнит свою работу, не подведёт. Мы вложили в перемещение Ула огромные средства, и мне не хотелось бы, чтобы они пропали даром. — Трапп обнял друга и предложил. — Ахилл, здесь уже делать нечего. Дальше ничего интересного не произойдёт. Давай отправимся в Клуб, а то я после дальней дороги порядком устал.

— Как скажешь, брат. В Клубе всё готово, он полностью в твоём распоряжении и тебя ожидает приятный сюрприз... Такой очаровательной девчонки у тебя ещё никогда не было. По сравнению с ней твои марсианки настоящие страшилища. — Весело рассмеялся Ахилл...

1

— Смотри, Серёга, вон *бомжара* подходящий. То, что доктор прописал. Нам полковник за него, глядишь, и благодарность объявит.

— Ну да, с занесением в грудную клетку. Ты на него Василий посмотри. Он сейчас богу душу отдаст, *алкаш голимый*. — Раздражённо не согласился тот, кого Василий назвал Серёгой —

старший лейтенант линейного отдела милиции Киевского вокзала города Москвы.

Сержант Василий: молодой крепкий кряжистый деревенского вида парень с простоватым загорелым круглым лицом и серовато-зелёными недобрыми глазами склонился над бесчувственным огромным телом и стал принюхиваться, глубоко втягивая горячий воздух широким грушевидным *шнобелем* .

— Серёга, да он вроде не пьян. Запаха нет. — Констатировал сержант. — *Обкурен* наверное. Давай возьмём. Может для *полкана* сгодится?

— Ну, это, вообще «зашибись». В корне меняет дело. Тебе за этого *торчка* сержант «орден сугулого» полагается и бьют на родине героя в родной «Пердиловке». — Ехидно заметил высокий спортивного вида младший лейтенант. — Полковник кого приказал найти? Сильных не больных работоспособных бомжей. А этот, по-твоему, в *полканову* ориентировку попадает?

— А то. Ты сам посмотри Серега, какой он здоровенный, накаченный. За троих сойдёт. И кажись не больной, и даже холёный. А что в *отключке* , может вокзальные *клофелиницицы* расстарались. Галка, Настюха или Марта. У них не заржавеет. Особенно у Настюхи — *полная безпредельщица* ... Слушай, Серёга, а может «скорую» вызовем.

— Ещё чего. На кой оно мне. *Загнётся* — труповозка подберёт. А не загнётся — сам отсюда свалит... Хотя. Если честно, *хреново*, что он на нашей территории *чалится*. Ещё майор заметит, потом вони не оберёшься... И *обшмонать* мужика не мешало бы. Может чего и найдём. По *прикиду* он вроде не из бомжей. Сам посмотри *шмотьё* на вид чистое и, наверное, дорогое. Хотя, какое-то непонятное, не по моде.

На бесчувственном молодом человеке была куртка из плотной материи непривычного вида по форме напоминавшая джинсовую и одновременно членением деталей отдалённо смахивала на рыцарские доспехи. Могучий с рельефной мускулатурой торс обтягивала тёмная майка с непонятным рисунком или эмблемой на груди. Бычью шею украшал широкий ошейник из какого-то ржавого металла. Подобные ничего не стоящие в плане денег *цацки* носят некоторые пацаны прошедшие Афган — типа амулет, память о Кандагаре, Кабуле. Одна деталь в «экипировке» молодого человека привлекла внимание блюстителей порядка — необычного вида высокие сапоги, сделанные толи из пластика, толи из металла. Такие сапоги *менты* никогда раньше не встречали даже у *фарцовщиков*. Подобные необычные сапоги настораживали, но времени

решать эту головоломку у блюстителей порядка в данной ситуации не имелось...

— Ладно, волочим его в парк. Там разберёмся.

Милиционеры закинули автоматы за спины, привычным, отработанным движением подхватили под руки крупное, тяжёленное, бесчувственное тело и изрядно попотев, притащили его в привокзальный парк. Там они бросили мужика на скамейку, и тщательно обыскали. Но, удивительное дело, ничего не нашли. Вообще ничего, что должно иметься у нормального пацана. Ни документов, ни *бабок*, ни ключей от дома, ни сигарет, на худой конец. Вероятно, этого бугая уже кто-то успел конкретно *обшмонать* до появления сотрудников органов правопорядка. На *клофелинных* девок не похоже, те забирали у клиентов только *бабки* и дорогие *цацки, рыжьё* ...

Раздосадованные таким *обломом* милиционеры принялись приводить мужчину в чувство. При этом в качестве своеобразного медицинского инструмента использовалась родная «туфа». Пришедшая от башковитых японских самурайских пацанов резиновая палка с ручкой, устроенной перпендикулярно палке. Милиционеры принялись постукивать своими дубинками, не сильно, но чувствительно по голове, плечам, ключице и грудной клетке «бесчувственного тела».

Делали милиционеры это не из садистских побуждений, или, желания искалечить молодого человека. Нет, просто милиционерам так было удобно. Да и зачем нужна рука, или, там, кулак, когда есть такое замечательное, отработанные тысячелетиями изобретение причудливой китайско-японской мысли...

Понемногу молодой человек стал приходить в себя. Вот он открыл глаза и уставился на блюстителей порядка мутным блуждающим взглядом.

Улисс очнулся. Голова гудела и раскалывалась. Сильно тошнило. Ужасно хотелось пить. Мозг ещё не включился в работу, и от этого перед глазами стояла неясная, расплывающаяся картинка, сложенная из множества непонятных нераспознаваемых частей.

Наконец картинка сложилась, и Улисс различил деревья, небо и двух незнакомых парней в серой одежде напоминающей униформу военных или полицейских. Только какую-то странную и без бронедоспехов...

Полицейские что-то спросили у Улисса на незнакомом языке и «глиссу» понадобилось некоторое время, чтобы отыскать этот язык в недрах своей искусственной памяти, где хранились

все существующие и существовавшие языки планеты.

— Ну, чё *братан*, оклемался? — Спросил один из парней, помоложе.

— Гражданин предъявите документы. — Властно потребовал второй, которого Улисс сразу определил в командиры этой странной группы.

— Документы! Какие документы? — Еле ворочая шершавым, плохо подчиняющимся языком спросил Улисс, с трудом сообразив, что непонятное слово «гражданин» относится к нему.

— Документы гражданин это ваш «молоткастый серпастый» паспорт. — Терпеливо разъяснил старший группы.

— Паспорт? Что такое паспорт? У меня нет никакого паспорта. Я не брал у вас паспорт. Вы, наверное, ошиблись. — Растерялся Улисс.

— Ты чё *баклан пургу мечешь!* *Следи гнида за метлой и базар свой помойный фильтруй*. Ты нас чё, за *лохов* держишь? Амнезию разыгрываешь. Так я тебе мигом место в *петушатнике* у *параши* организую. Сразу всё вспомнишь. — Рассвирепел молодой полицейский и больно воткнул Улиссу дубинкой короткий удар в солнечное сплетение. Да так, что Улисс едва не задохнулся. — Чё, вспомнил *козлина* или ещё добавить?

— Погоди Вась, — одёрнул подчинённого

командир, — сейчас спокойно во всём разберёмся. Так вы, гражданин, утверждаете, что не знаете, что такое паспорт? Наш (с ударением на этом слове спросил полицейский) советский паспорт. И вы никогда не держали его в руках? Верно?

— Ну да, не держал. — Подтвердил растерянный Улисс, не понимающий, куда клонит странный офицер.

— Следовательно, отсутствие советского паспорта позволяет нам сделать вывод, что вы не являетесь гражданином нашего государства... — Как-то таинственно и одновременно торжествующе закончил мысль *терпилы* мент...

— Ну, ты товарищ старший лейтенант даёшь! Голова. — Восхищённо воскликнул Васян.

— Ну, так как же гражданин, будем «Ваньку валять» или начнём говорить?

— Я не знаю, что вы от меня хотите. — Совершенно искренне заверил полицейских Улисс. — У меня нет вашего паспорта. Я не понимаю, о чём идет речь. Офицеры, я не хочу вас раздражать. Я подозреваю, что вам нужен какой-то документ. Может быть, вы имеет в виду инд-карту?

— Серёг. Он точно шпион. *Гадом буду*. Это у них на западе карты-шмарты я в кино видел. Надо «гэбистам» его сдавать. Нам, глядишь, что-нибудь и обломится. — Возбуждённо зашептал сержант.

— Да погоди ты, — одёрнул подчиненного

«старлей», — может это дурик из психушки. Не хватает только *облажаться* перед конторой. Тогда нас майор точно с говном съест. — И обращаясь к Улиссу, продолжил. — Хорошо гражданин. Будем считать, что у вас нет нашего паспорта, следовательно, вы не являетесь гражданином нашего государства. Но откуда вы? Где проживаете, прописаны?

Почувствовав некое облегчение, Улисс охотно рассказал, что он легализован, проживает в гипермегаполисе Москва, скрыв на всякий случай точку своей легализации, пятьдесят шестой сектор юго-востока. Улисс не хотел раскрываться первым попавшимися полицейскими принадлежность к этому криминальному сектору, хорошо известному всем полицейским планеты. Тем более не стоило упоминать сектор, пока он не поймёт, что с ним происходит... А теперь Улисс ни чего понимал и мало что помнил...

Он смутно помнил лишь, что они с Траппом и Ахиллом накачались в Клубе какой-то тяжёлой «термоядерной дурью». Воин Улисс, держащий себя в постоянной боевой форме, не употреблял синтетику, марсианскую бронебойную «космодурь» или лунный «термит», а только лёгкую. В основном древние земные «кокс», «марихуану» и лунную «нирвану». Да и то редко, чтобы сбросить

напряжение после боя. А клубная дурь оказалась супертермоядерной марсианской, хотя и замаскированной под безобидную «травку»... Ну, нечего. Кто-то за это ответит, когда всё закончится...

Улисс не помнил и не знал, куда исчезли Ахилл и Трапп. Куда исчезли его гвардейцы. Куда исчез верный «Дракон». Где бы не находился Улисс, крейсер обязан контролировать ситуацию, страховать и охранять хозяина всей своей мощью. За этот наштигованный оружием всех степеней защиты и уничтожения армейский аппарат Улисс заплатил огромную сумму. И теперь, получается, зря...

Улисс не представлял где теперь находится. Судя по окрестному пейзажу с невысокими (с десяток этажей, не более) невзрачными уныло-однообразными прямоугольной формы строениями — в захолустной деревенской дыре. А перед ним затрапезные деревенские полисмены...

— Значит вы москвич? — Толи удивлённо, толи утвердительно и даже доброжелательно спросил старший полицейский. Улисс кивком головы охотно подтвердил это. — А где, по-вашему, мы теперь находимся? В Устьужопинске? Мухосранске? А может быть в Лондоне, Париже, или в Нью-Йорке?... Наверное, в

Америке. Там, говорят у вас паспортов нет. А у нас гнида «америкосская» их пока не отменили. Хреново вас в «Цэрэу» готовить стали...

Старший лейтенант Серега ненавидящий «америкосов» как говорится всеми фибрами своей советской комсомольской души задохнулся от ярости. Его лицо сделалось пунцовым. По скулам пролегли багровые пятна. Глаза стали холодные и злые. И блюститель порядка со всей дури, по рабоче-крестьянски вмазал Улиссу в челюсть, а второй полицейский обрушил на него град ударов дубинкой.

Улисс почувствовал, что теряет сознание. Перед глазами поплыли разноцветные пятна и яркие бусинки — вспышки...

...И вдруг сознание вернулось. Тело наполнила мощная энергия — сработал пауэр-активатор. Теперь это снова был прежний Улисс. Сильный. Могучий. Беспощадный. Непобедимый...

Улисс вскочил, выпрямился во весь свой немалый рост.

...Рука молодого полицейского замерла, натолкнувшись на непробиваемую стену. Спустя мгновение она хрустнула переломанная могучей ручищей Улисса. Полицейский дико завыл. Но его вой продолжался не долго. Через секунду он

прекратился. А полицейский со сломанной шеей и неестественно вывернутой назад головой рухнул, словно мешок на грязный пыльный замусоренный асфальт гадюшного привокзального парка.

Второй полицейский оцепенело, с ужасом смотрел в холодные безжалостные не оставляющие ему никакого шанса на жизнь глаза Улисса, судорожно трясущимися руками пытаясь достать из-за спины какую-то штуковину. По-видимому, оружие. Но сделать это Улисс ему не позволил. Страшным ударом ноги обутой в армейский сапог с тяжелой противоминной подошвой Улисс проломил грудную клетку полицейского так, что сердце выскочило со своего места и навсегда перестало биться.

Последнее что зафиксировал угасающий мозг старшего лейтенанта Сереги — красивое и страшное лицо могучего молодого человека...

Улисс проворно исследовал содержимое карманов полицейских. Всё найденное спешно рассовал по карманам своей куртки. Недолго поколебавшись, взял увесистую металлическую штуковину, повесил её на ремне под курткой и поспешно покинул парк.

Теперь необходимо было уйти как можно дальше с площади кишящей людьми — потенциальными свидетелями преступления.

Улисс огляделся, оценивая возможные пути отхода, и двинулся вдоль набережной реки в сторону лесного массива заманчиво виднеющегося вдалеке за стеной невысоких в десяток этажей, уныло однообразных строений. Лес в его теперешнем положении мог оказаться наиболее безопасным местом.

Улисс попытался активировать ускоритель, но на схватку с полицейскими ушло слишком много драгоценной, необходимой для действия ускорителя энергии. Ускоритель не активировался...

Улисс шёл по направлению к спасительному лесу, а вокруг кипела чужая, незнакомая и какая-то ирреальная жизнь.

Ему навстречу полз поток механизмов. В каждом из них находились люди. Механизмы различались по внешнему виду и размерам. Встречались такие крошечные, что в них размещалось всего несколько человек. Попадались и внушительных размеров аппараты битком набиты человеческими телами. Механизмы перемещались только по земле, по местами разбитому странного вида покрытию, даже отдалённо не напоминавшему привычный Улиссу металлопласт.

За всё время движения Улисс не заметил не одного летательного аппарата. Это показалось

странным и настораживало: даже несмышленому младенцу понятно, что удобней передвигаться по разным этажам и зонам высотности, нежели вот таким примитивным способом двигаться по земле в одной плоскости потока. Рискую столкнуться с идущими в потоке либо движущимся навстречу аппаратами. Периодически останавливаясь и пропуская передвигающихся естественным способом пешеходов...

Скорость механизмов, приблизительно определённая Улиссом оказалась невелика, можно сказать никакая, а шум от работающих силовых установок и грохот самих движущихся механизмов стоял такой, что у Улисса снова заболела голова.

Над зоной передвижения висел смог и нестерпимая, до тошноты вонь. Улиссу показалось удивительным что люди, находящиеся в этих аппаратах не задыхаются, хотя и не используют никаких защищающих дыхание приспособлений. Мало того, они общались между собой, не опасаясь трагических последствий...

Сами механизмы различались и по внешнему виду. Некоторые Улиссу нравились. Даже, несмотря на их небольшие размеры в них чувствовалась красота и мощь. Но таких ему встретилось не много. Большинство же аппаратов имело весьма унылый, потрёпанный и неприглядный вид...

Изредка, навстречу Улиссу попадались люди. Они быстро и сосредоточенно проходили мимо, не обращая на Улисса никакого внимания. Разве что некоторые молодые женщины и девушки бросали заинтересованные оценивающие взгляды в сторону видного молодого мужчины...

Через некоторое время Улисс вышел к пруду, заросшему прибрежной растительностью, и примыкающему к нему древнему фортификационному комплексу. С приземистой крепостной стеной, ощетинившейся бойницами амбразур и зубцами. С круглыми и прямоугольными башнями по периметру стены, непривычно глазу Улисса архитектурного вида. С выглядывающими из-за стены позолоченными куполами соборов.

Этот древний комплекс смотрелся завораживающе красиво и, даже фантастично, но времени на его созерцание у Улисса не имелось.

Неподалеку от комплекса широкую реку пересекал высокий мост. Это оказалось для беглеца настоящей удачей. С высоты моста можно было спокойно осмотреться.

Через весь мост растянулось огромное полотнище с какой-то надписью. Улисс подошёл поближе, прочёл надпись и почувствовал, как волосы встали дыбом, сделались жёсткими, по лбу

и спине обильно заструился пот, дыхание перехватило, перед глазами поплыли круги...

«1989 ГОД. ПЕРЕСТРОЙКА. УСКОРЕНИЕ. ГЛАСНОСТЬ. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ».

Улисс словно загипнотизированный перечитывал надпись снова и снова... Вот значит, какую шутку сыграла с ним «дурь». Но разве это возможно?... Что же с ним произошло?... А может это только сон?...

Улисс на всякий случай больно, до крови ущипнул себя за руку. Нет, всё верно. Он по-прежнему находится в Москве. Но Москве древней, на пятьсот лет моложе его великого гипермегаполиса...

...Улисс не сразу вспомнил, что с ним произошло. Он лежал в густой пыльной траве возле бетонной опоры моста и над ним, по мосту время от времени с чудовищным грохотом проносились механизмы...

Значит это не сон. Улисс встал. Голова шумела, сильно тошнило. По-видимому, действие нейтрализатора, ещё до конца не закончилось...

Он не знал, сколько прошло времени. Впрочем, что значит время в его теперешнем положении. Символ, не более. Теперь для него

время не существует. Его время осталось там, точнее наступит только через пятьсот лет...

Улисс поймал себя на мысли, что подумал какой-то бред, и впервые за эти несколько часов улыбнулся. Улыбнулся не растерянной и безысходной улыбкой-оскалом загнанного зверя, а улыбкой человека сбросившего какой-то невероятно тяжёлый груз... Ну, что же. Раз он не может изменить ситуацию, следует, разобраться в ней. А для этого у него кое-что есть...

Все захваченные у ликвидированных полицейских «трофеи» Улисс разделил на несколько групп.

В первую попали документы. Удостоверения сотрудников милиции — совершенно не знакомой ему силовой структуры — на имя Тимохина Василия Александровича, молодого милиционера. И Коледы Ивана Матвеевича, старшего милиционера. Паспорта «Гражданин Союза Советских Социалистических Республик». Вот значит, что требовали от него полицейские... Улисс внимательно, страница за страницей изучил паспорта. По сути эти странного вида и примитивного технологического уровня книжицы являлись обычными инд-картам его времени, правда, с минимальным количеством информации...

Ещё перед Улиссом лежала внушительная стопа разномастных бумажек непонятого назначения принадлежавших Государственному Банку СССР и Соединенным Штатам Америки. Об этих государствах Улисс никогда не слышал. В его времени на планете уже давно не существовало никаких государств. Планета жила единым сообществом, разделённым на континентальные глобальные административные образования, разбитые в свою очередь на регионы, сектора и локальные зоны...

Куда больший интерес для Улисса представляло вероятное оружие полицейских..., милиционеров. Улисс осторожно повертел в руках увесистый предмет странного непривычного вида. Внимательно осмотрел его, но от активного проникновения в механизм предполагаемого оружия отказался. Он слишком хорошо знал, чем может это закончиться — сколько его дружков погибло в малолетстве, пытаясь раскодировать боевое армейское оружие. Древнее оружие оказалось изготовлено из металла, без какого либо намёка на металлопласт или другие оружейные полимеры. Улисс чувствовал, что где-то в глубинах памяти хранится информация о подобном оружии, но извлечь её в своем теперешнем состоянии не мог...

Все трофеи Улисс тщательно спрятал возле опоры моста, оставив на всякий случай только паспорт старшего полицейского и банковские бумаги.

Улисс серьёзно рисковал, оставляя у себя документы убитого полицейского — прямая улика в случае задержания, но ему необходимо иметь при себе хоть какой-то легализующий документ. Пусть и опасный. Документ, без которого в этом времени выжить, вероятнее всего невозможно. Не зря же полицейские так настойчиво требовали у него паспорт. Тем более что на низкокачественном портретном изображении в паспорте полицейский чем-то походил на самого Улисса. Конечно, не идентично, но в отсутствии других вариантов устраивал и этот.

Поколебавшись, Улисс прихватил и «железяку» — привыкший всю свою сознательную жизнь воевать с оружием он чувствовал себя спокойнее...

Теперь необходимо было как можно скорее покинуть это опасное место. По металлической ржавой и хлипкой на вид лестнице Улисс взобрался на мост, перешёл на противоположный берег реки. Спустился с моста и двинулся в сторону расположенного неподалёку спортивного комплекса. Следовало раздобыть какой-либо пищи — он давно не ел, и теперь голод давал о себе знать

неприятными болевыми ощущениями в области живота...

Спорткомплекс порастил Улисса непривычным людским водоворотом. Казалось, что сюда собрался заниматься спортом весь город. Внимательно понаблюдав за толпой, Улисс сделал вывод, что спортом здесь не занимались. В этом спорткомплексе происходила примитивная меновая торговля. Торговали в основном одеждой, которую обменивали на банковские бумажки, аналогичные конфискованным у убитых полисменов... Странное дело, Улиссу нигде не встречались даже простые аппараты вирт-оплаты, не говоря уж о слайерах. Люди передавали из рук в руки грязные, потрёпанные бумажки, ничуть не беспокоясь о каких либо мерах стерилизации. Повсюду сновали мужчины и женщины с тележками, сумками и огромными тюками.

Подобный способ торговли был необычен, выглядел экзотично и потряс Улисса настолько, что он на некоторое время забыл обо всём на свете: о смертельной опасности нависшей над ним, поглощённый раскрывающимся перед ним каким-то ирреально-первобытным, каким-то диким действием, отдалённо напоминавшим древнее сражение с присущей ему сложностью управления и хаосом...

На каждом углу предлагалась какая-либо еда. Простояв небольшую очередь, Улисс получил сочную, горячую, аппетитно пахнущую лепёшку называемую «чебурек», за которую продавщица взяла с него одну грязную и потрёпанную бумажку «Госбанка СССР» мелкого достоинства. Взяла голыми без средств защиты сальными руками и этими же руками достала откуда-то из недр лотка дымящуюся лепёшку, завернула её в кусок плотной серой бумаги и протянула Улиссу... Улисс поколебался, раздумывая, есть или нет. Такой антисанитарный способ торговли мог таить опасность. Наверняка в этом времени существуют губительные для Улисса микроорганизмы... Но голод взял своё и Улисс решился попробовать лепёшку. Лепёшка с мясом, оказалась не очень вкусной, низкого качества, но голодный Улисс мигом проглотил её и взял ещё несколько, а заодно и пластиковую ёмкость с питьевой водой.

Насытившись, Улисс двинулся дальше. Он выбрался с торговища и направился за толпой, смешавшись с ней, стараясь не попадать в поле зрения людей в серой форме полицейских, которых на его пути встречалось немало. Внезапно Улисса кто-то окликнул...

Старший следователь районного отдела Западного Административного Округа Москвы Игорь Николаевич Серебров стоял за зоной оцепления, уныло курил и терпеливо ожидал завершения работы коллег. На месте преступления «колдовали» криминалист Петрович и трассолог Оленька. Неподалёку кинолог Валера и его Альма безуспешно пытались взять след убийцы. Само место преступления оцепили вокзальные милиционеры, с трудом сдерживавшие толпу зевак — в основном пассажиров рейсов дальнего следования, для которых эта трагедия стала неким спектаклем посреди томительно-унылого ожидания своего отправления. За зоной оцепления опера, окружённые плотной толпой «отбивались» от кучи псевдосвидетелей. Игорь Николаевич краем уха слушал этих возбужденно тараторящих, галдящих, перебивающих друг друга, дающих самые противоречивые и нелепые показания людей и внутри медленно закипала злость, перерастающая в ярость.

— Шоу, устроили. Вы ещё на трупах станцуйте. — Подумал следователь, и брезгливо, с ненавистью посмотрел на толпу. Нервно отбросив окурок «Явы золотой» он подозвал старшего группы оцепления, немолодого капитана и жёстко

приказал очистить место преступления. Через несколько минут парк был очищен от толпы. Но народ не расходился, а стоял за линией оцепления и наблюдал за действиями следственной группы.

Минут через десять криминалист закончил и подозвал Игоря Николаевича.

— Ну что, Петрович? — Без всякого энтузиазма спросил следователь.

Старик помолчал, почесал вспотевший лоб тыльной стороной руки в окровавленной латексной перчатке, тяжело вздохнул и грузно опустился на корточки возле первого тела — сержанта Тимохина Василия Александровича, двадцати двух лет от роду.

— Вот смотри Игорь Николаевич, как сломан рука. Кисть буквально висит на мышцах и коже. А голова. Представляешь, какое усилие нужно приложить, что бы её так свернуть у тренированного, физически крепкого человека каковым, судя по развитой мускулатуре, являлся при жизни убиенный сержант Василий Тимохин.

Следователь помог старику подняться, и они перешли к телу старшего лейтенанта Коледы Ивана Матвеевича, двадцати шести лет.

— Ты представляешь, с какой чудовищной силой произведён удар, если он вызвал такое разрушение грудной клетки... Я, Игорёк, в своей долгой жизни ничего подобного не встречал. И

сразу делать какие либо выводы затрудняюсь. Как говорят наши немецкие друзья: *das ist fantastisch...* Если бы вокруг имелись лужи крови, на теле раны рванные, я мог бы предположить что косолапый расстарался или тигр. А, так... Конечно, в отделе мы покопаем глубже. А теперь покорнейше извини. Ничего конкретного сказать не могу... Я тут как-то водил в зоопарк внучку. Ты знаешь Игорёк какая на планете самая большая и сильная обезьяна?... Верно, горилла. Но, это шутка. *Шмонал* ребят человек и профи. Всё забрал. Все загашники обчистил. Животное так не сможет — мыслительных возможностей маловато...

У Оленьки тоже не оказалось ничего интересного. Даже если и существовали на этой сухой земле и раздолбанном асфальте какие-либо следы их затоптали многочисленные зеваки, побывавшие в парке до приезда милиции.

В это время к месту преступления подъехала прокурорская «Волга», и настроение у Игоря Николаевича совсем испортилось...

3

— Мужчина, развлечься не желаете?

Дорогу Улиссу преградила девушка.
Хорошенькая. Прекрасно сложенная. С

великолепной фигурой, которую подчеркивало короткое открытое облегающее светлое платье, обнажающее стройные длинные ноги. Лицо девушки (с пропорциональными чертами, высоким лбом, выразительными глазами, легким полуovalом бровей, тонким небольшим носиком, несколько крупноватыми чувственными губами) обрамляли длинные светло-каштановые волосы, ниспадающие слегка выющимися локонами на красивые плечи, оттеняя лицо, усиливая его очарование.

— Не дорого. Для такого видного мужчины, можно сказать, почти даром.

— Сколько?

— Час червонец. Ночь сто...

В кармане куртки лежала пухлая пачка «конфискованных» у полицейских банкнот, но осторожный Улисс ничего не ответил. Он не разобрался в незнакомых банковских бумагах. Что могло обозначать червонец, сто? Скорее всего, стоимость сексуальных услуг? Это показалось Улиссу настораживающе странно — на дешёвых жриц любви девчонка совершенно не походила. В его времени секс с такой красивой девушкой, не луниткой, марсианкой или кибом стоил бы серьёзную сумму. Что-то здесь не так...

— ...Такой видный мужчина, а жмётесь из-за

какой-то паршивой сотни...

Их разговор привлекал внимание прохожих, поэтому Улисс отвёл девушку в сторону. — Сто чего?

Девушка удивлённо уставилась на Улисса. — *Бакинских*. Не *деревянных* же. Ты за кого меня принимаешь? За *деревянные* только с «нюшками» с трёх вокзалов развлекайся.

— А что такое *бакинские*. Нефть что ли? — Осторожно спросил ничего не понявший Улисс.

Девица долго смотрела на Улисса, потеряв, вероятно, дар речи. А потом звонко и заразительно захохотала. В этот момент она сделалась удивительно хороша и Улиссу дико захотелось её. Так нестерпимо он никогда не хотел секса ни с одной женщиной... Девчонка смеялась, смеялась долго.

— А ты приколист. Так и уморить девушку можно. *Бакинские* это *баксы*. Ну, доллары, значит.

Улисс достал пачку денег.

— Посмотри. Здесь есть доллары?

Девица ещё более удивлённо взглянула на Улисса, но ничего не сказала, молча, вытащила из пачки стопку невзрачных бумажек.

— Ну что, сделка состоялась? — Спросила она. Улисс утвердительно кивнул. — Куда поедем? К тебе? У тебя *хата* есть?... Нет? Приезжий?

Улисс, не вдаваясь в подробности, подтвердил, что прибыл издалека.

— То-то оно и видно... Хорошо, поедem ко мне. Но за *тачку* ты *баиляешь* ... Ты не знаешь что такое *тачка* ? Никогда не ездил в такси? — Прочитав недоумение на лице Улисса, девица удивилась в третий раз, и как-то странно посмотрела на него...

— Снимай куртку. В комнату проходи. Чего в прихожей топтаться. — Приказала девчонка и скрылась в соседнем отсеке помещения. Улисс, поколебался, но куртку не снял, а прямо в ней двинулся за девицей.

— Ты что в куртке в постель полезешь? Не бойся, я её не украду. Мне она ни к чему — размерчик не тот. Можешь расслабиться... Снимай её немедленно. — Налетела на Улисса девчонка. Ничего не оставалось делать, Улиссу пришлось снять куртку. Девчонка, увидев железяку, ахнула.

— Ну, ты, *блин* , даёшь... Ты кто? Из *братвы* ? Вот я дура влипла. Ты убьёшь меня?

— Послушай девочка, я не сделаю тебе ничего плохого. Наш договор остаётся в силе. Я пробуду с тобой оплаченное время, а потом уйду, и больше ты меня никогда не увидишь... Не бойся. Чего ты боишься? Этой штуковины...? Слушай, я заплачу тебе ещё, если ты объяснишь мне, что это за

устройство и для чего оно предназначено...

Такого удивления Улисс не видел никогда в жизни. И без того большие глаза девчонки сделались огромными, а брови полезли на лоб. При этом её высокий и красивый лоб глубокие морщины превратили в перепаханное поле. Девушка впала в ступор...

— ...Ты понимаешь, мне не к кому обратиться... Помоги мне. Для чего нужно это устройство? Это оружие? Верно?

Девчонка успокоилась и, посмотрев пристально на Улисса, сказала.

— Хорошо милый, ты решил *приколоться* я готова поддержать тебя. Как говориться любой *прикол* за ваши *баксы*. Так вот, это, как ты выразился, устройство обыкновенный «Калаш»... Ты не знаешь что такое «Калаш»? Это знает любой детсадовский ребёнок и это уже становится не смешно. Каждая шутка хороша и интересна только один раз потом она начинает раздражать...

— Послушай, я действительно не знаю что такое «Калаш». Я не разыгрываю тебя. Если ты знаешь, расскажи. Возьми сколько хочешь этих бумажек... Денег? Хорошо, денег. Но расскажи мне всё, что ты знаешь об этом оружие.

Девчонка, как-то пронзительно-внимательно взглянула на Улисса.

— Ладно. Будем считать, что ты

действительно не знаешь... Это автомат. Простой автомат, который придумал оружейник Калашникова. Мы в школе на уроке начальной военной подготовки проходили.

— Автомат? А для чего он нужен?

Девчонка попросила у Улисса автомат. Взяла его без всякой опаски, и, нажав на какой-то рычажок, отделила его плоскую изогнутую часть, внутри которой Улисс рассмотрел блестящие круглые жёлтые металлические шпуковины.

— Вот смотри. Это называется магазин. В нём находятся пули, точнее патроны. Ты, передёргиваешь затвор, досылаешь патрон в патронник, прицеливаешься, потом нажимаешь на вот эту хреновину, называемую спусковым крючком, автомат стреляет и пуля размазывает чьи-то мозги по стене. Если, конечно, ты попадешь.

Девчонка ловко выщелкнула из магазина патрон и протянула его Улиссу. Он взял его, и с интересом принялся рассматривать, хотя, ничего интересного не увидел — тривиальный металлический предмет сложной цилиндрической формы. Двухсоставной: состоящий из удлиненной цилиндрической и заостренной конической частей, соединённых в единое целое...

Очень скоро Улисс уже разобрался в устройстве автомата...

— Ну, а как он действует? Где можно

выстрелить? Ты знаешь поблизости какое-нибудь уединённое место? Можешь меня туда отвести? — В сильном возбуждении нетерпеливо спросил Улисс.

И вот тут девчонка почему-то разозлилась. Лицо её сделалось пунцовым, по скулам пролегли багровые пятна, глаза стали колючие и злые.

— Послушай, приятель я тебе не справочная. Ты, кажется, забыл для чего пришёл сюда. Или эта железяка красивее и желаннее меня. Ты знаешь, сколько мужчин отдали бы многое, чтобы оказаться на твоём месте. Ты скотина. Грубое животное. Можешь меня убить. Вот прямо здесь на мне и попробуй свой автомат. Долговязый дурак.

Девчонка отвернулась от него и нервно закурила. Улисс напрягся. Мышцы сделались жесткими и не пробиваемыми, точно бронепласт. Жгучая волна ярости прошла тело и..., исчезла, ушла, растворилась. Великий воин смотрел на эту маленькую красивую и желанную девчонку... Улисс, словно зомби подошёл к ней, резко повернул к себе её послушное тело, выбросил в проём распахнутой балконной двери едва начатую сигарету, прижал к себе девчонку и задохнулся в долгом поцелуе. Она отвечала ему горячо и страстно. Улисс подхватил на руки лёгкое тело девушки и отнес её в спальню.

А потом наступил вечер. Его сменила ночь. Настало утро. Но они не замечали этого. Время для них остановилось. Весь макрокосм мира с его планетами, созвездьями, галактиками, вселенными сжался до размеров этой спальни и кровати. И не было в мире ничего важнее их горячих сплетающихся тел, страстных объятий, нежных и диких бесконечных поцелуев и блестящих глаз...

Они лежали, тесно прижавшись, друг к другу, и Улисс рассказывал Пенелопе — так звали девчонку — о себе. О своём мире. Об огромном и прекрасном гипермегаполисе Москва. О своём криминальном, чертовски опасном, доминирующем над всеми другими административными образованиями пятьдесят шестом секторе юго-восточной окраины мегаполиса. О криминальных войнах между группировками и планетарными силовыми структурами. Честно рассказал о появлении здесь, и об убитых им полицейских...

Наступил ещё один день. Они гуляли по Москве, бродили по её древним улицам, и Улисс со смешанным чувством гордости и удивления думал о том, что на месте этих сонных улиц и низких невзрачных строений, в его времени взметнулся ввысь могучий и сказочно красивый мегаполис.

Один из красивейших на планете...

Они плыли по Москве-реке на катере. Настоящем аппарате, передвигающемся по водной поверхности. По реке, ещё не скрытой под землей в тоннеле, как в его времени. Они проплывали мимо величественного Кремлёвского комплекса. И Кремль, его башни, соборы и здания ещё не укрытые ажурным прозрачным защитным куполом, выглядели куда выразительней и потрясающей, нежели в его времени. И казалось, что белоснежные пушистые облака цепляются за шпили его высоких башен и куполов. И рядом была Пенелопа. Ослепительно красивая и счастливая. И совсем рядом он видел её глаза. И он тонул в них, как от хорошей дозы. Эта девчонка заполнила собой весь мир. И теперь Улисс казались второстепенным и не важным всё, что произошло до встречи с ней.

Такого Улисс никогда не испытывал ни с одной женщиной. И если бы кто-либо ещё несколько дней назад рассказал бы ему об этом, Улисс презрительно рассмеялся бы в ответ, а возможно и всадил шутнику заряд из тепловухи. Всадил не на летальное поражение, а так, на лёгкое ранение, чтобы недоумок соображал над кем шутит... За эти несколько дней что-то произошло с Улиссом. Он не знал что. Возможно, это болезнь, древнее инфекционное заражение. Ведь уничтожила некогда десятки миллионов индейцев

неизвестные в их мире болезни, привезённые из Европы жалкой сотней вонючих сифилисных конкистадоров...

Волшебница-ночь околдовала город, укрыв его своим бархатным чёрным плащом, расшитым бисером звёзд, созвездий и галактик. Утомлённый дневными заботами и хлопотами город спал. Стояла тишина. Лишь изредка где-то вдалеке, на бульваре проносился одинокий автомобиль. За окном в непроглядном небе среди мириад мерцающих бусинок-звёзд висел зеленовато-охристый величественный и равнодушный лунный диск. Ночной прохладный ветерок приятно бодрил, бесстыдно скользя по их обнажённым телам. Голова Пенелопы лежала на груди Улисса, и её волосы приятно касались его лица...

— Ты уйдёшь со мной... Если..., когда я найду способ вернуться в своё время?

— Уйти с тобой? В твоё время, в твой мир? Но что там станет со мной? Ул, здесь мой мир. Какой никакой, но он мой. Здесь я родилась и живу. А твой я не знаю и мне он чужой... И потом, в твоём времени я стану тебе даже не прабабушка. Ты представляешь, как я буду выглядеть через пятьсот лет? Я превращусь в старую и страшную мумию с серой иссохшей кожей, впалыми глазницами и

редкими остатками седых волос. Вот такая я стану через пятьсот лет. Я буду тебе даже не прабабка, а пра- пра- прапрабабка...

— Ты станешь пра- пра- пра- дурочкой. Нет, просто дурочкой. Маленькой красивой дурочкой. — Ответил Улисс, нежно целуя Пенелопу. — Ты нужна мне. Понимаешь, за всю свою жизнь я никогда не был так счастлив. Никогда... Я имел всё, что многие ассоциируют с понятием счастья... Представляешь, ещё совсем недавно, каких-то несколько дней назад мне казалось, что это и есть настоящее счастье. Я задумывал и осуществлял задуманное. Я создал огромную империю. Я боролся и побеждал своих врагов. Я шёл к намеченной цели, и никто не мог противостоять мне... Но теперь для меня это не важно. Это осталось там... А здесь есть ты...

— Улисс, любимый у меня теперь есть ты. И кроме тебя мне никто и ничто не нужно. Я готова идти с тобой, куда ты скажешь. В этом мире у меня никого нет, кроме бабы Вари. Завтра я съезжу к девчонкам и скажу, что выхожу из игры...

Пенелопа перевернулась на живот, крепко прижалась к нему своим горячим телом, обняла руками его огромную грудь, нежно и бесконечно долго стала целовать Улисса. И сонный мальчишка Амур усталой ручонкой вытащил из серебряного колчана очередную золотую стрелу любви...

— Что? Что эта сука сказала...? Ах, вот как. Ну, я ей выйду. Век, тварь помнить будет.

Лём так долбанул трубку об корпус телефона, что в его недрах что-то жалобно звякнуло. Парни удивлённо и настороженно смотрели на своего жоака.

— Чего таращитесь, — раздражённо процедил Лём, — звонила Настюха. Пенелопа собирается *подорвать*.

— Подорвать кого? — Спросил один из парней.

— Ты Тарас как в детстве дебиллом был, так им и остался. *Подорвать*, значит выскочить из бизнеса. Усёк. — Зло оборвал парня Лём. — Лучше затухни и не раздражай.

— Нет проблем. — Поспешно согласился Тарас.

Лём позвонил Плёсу, своему бригадиру и кратко объяснил ситуацию. Несколько минут из трубки доносился многоэтажный мат, перемежаемый приказами и разъяснениями. Наконец Лём положил трубку, вытер вспотевший лоб, и тоном, не терпящим возражений, объявил. — Сделаем пацаны так. Сейчас выдвигаемся к Пенелопе и *поставим её на понятия*. Надо дать девкам урок. А то совсем распустились курвы.

Страх потери. Хочу, работаю. Хочу, на вольные хлеба...

— А «стволы» брать? — Спросил Борюсик, самый молодой в звене. Лёма аж передернуло — с какими дебилами работать придется...

— А то, как же без «стволов». Возьми ещё «калаш», «эрпэгэшку», «муху» и не забудь захватить «Шилку» и «Град». А то с моим «тэтэшником» с этой сукой и её хахалем нам четверым никак не справиться...

Улисса разбудило неясное тревожное чувство надвигающейся опасности. Он открыл глаза и увидел незнакомых парней. Пенелопа тоже проснулась. Она испуганно прижалась к Улиссу, из чего он сделал вывод, что парни, её хозяева.

— Ну, наконец-то голубки проснулись. — Весело ослабилась высокий крепкий спортивного вида молодой парень, которого Улисс сразу определил в этой четверке главным. В руке у гангстера Улисс заметил пистолет с глушителем звука выстрела. Точно такое оружие с точно таким же приспособлением Улисс уже видел раньше, в полицейском телевизионном сериале. — А то мы уже думали, не дождёмся. Хорошо, а главное крепко спите. Здоровым, праведным сном.

Держа Улисса на прицеле, парень бесцеремонно стащил голую Пенелопу с

кровати. — Ты девочка пока погуляй. Иди в порядок себя приведи, а мы с твоим пацаном покалякаем.

Напуганная Пенелопа безропотно скрылась в ванной.

— Ты кто? — Спросил главарь, оставаясь на безопасном расстоянии и не убирая оружие.

— Человек. — Неопределённо ответил Улисс.

— Человек!? Ну, так вот, человек. Ты с нашей биксой гуляешь. Ништяк, нема базара, только ты забыл, что надо баилять. Ты уже сколько с ней кружишь?... Три дня? Считай, три сотни зелёных ты нагулял. Всё по честняку, по пацански. А если хочешь её забрать, гони брателло конкретные бабки.

— Сколько? — Спросил Улисс.

— Сразу видно делового человека. Сто тонн.

— Сто тонн чего? — Не понял Улисс.

— Сто тысяч баков, или долларей. Не деревянных же.

— Сто тысяч?

— А что, много? За такую ляльку братуха, считай почти даром. Можно сказать от сердца отрываю. А то, смотри, передумаю. — Расхохотался Лём.

— Но у меня теперь нет такой суммы. — Честно признался Улисс.

— Это братан твои проблемы. Даю тебе два

дня. Через два дня включаю *счётчик*.

— *Счётчик*? Что такое *счётчик*?

— Да ты пацан, никак и вправду из-за Урала. — Заржал Лём, его смех подхватили остальные парни. — Люблю юмористов. Давай Хазанов. Через два дня увидимся. — Подытожил разговор гангстер, собираясь покинуть помещение.

— Я не найду такую сумму через два дня. Вероятно я не найду её и через неделю. В моём теперешнем положении это очень крупная сумма. — Честно признался Улисс.

Лём остановился, подошёл, молниеносно обнажил оружие и приставив его к голове Улисса, процедил. — Ты *баклан* надоел мне. Может тебя пристрелить и все проблемы закончатся? Я с тобой по-человечески, а ты *целку* корчишь. Могу — не могу. Не хочешь платить? А что же ты хочешь?

— У меня есть другое предложение. Я отпускаю вас, и мы мирно расстаёмся, навсегда забыв о существовании друг друга. — Спокойно произнёс Улисс.

Слова Улисса вызвали у бандитов бурю смеха. Парни хохотали от души. Лём ржал, не переставая, впрочем, держать Улисса на прицеле. На какое-то мгновение он повернулся к парням, подмигнул, дескать, вот придурок конченный даёт...

Это стало его ошибкой. Улисс активировал ускоритель, молниеносно вскочил, страшным

ударом окаменевшей ладони, словно боевым тесаком, пробил грудную клетку парня, вошёл внутрь, вырвал ещё живое трепещущее сердце, извлёк его наружу, разворотив грудную клетку. Одновременно другой рукой выхватил у гангстера пистолет и тремя выстрелами ликвидировал остальных парней. Потом Улисс отправился в ванную комнату, где «в заточении» томилась Пенелопа, наскоро принял душ, смыл кровь убитого и велел девушке собираться, а сам тщательно удалил все следы их пребывания в этом доме...

Через полчаса они покинули злополучную квартиру...

5

Фил — Анатолий Иванович Борисов — лидер влиятельной криминальной столичной группировки сидел в пустынном инвалютном баре на Маяковке, неторопливо пил ароматный зелёный чай, курил и равнодушно смотрел в окно, за которым сплошным потоком ползли автомобили. Время от времени Фил посматривал на циферблат дорогущих крутых котлов Роллекс — *пять тонн бакинских*. Не купленных, отобранных по случаю за долги у одного *терпилы* -кооператора.

Фил ждал своего бригадира Лёху Жаркова, *погоняло* Плёс. Плёс должен был появиться ещё

полчаса назад. Кого другого Фил столько ждать бы не стал — статус не тот — и давно бы уже *слинял*. Но он хорошо знал своего боевого товарища. Лёха не станет *забивать стрелку ради бухого базара*. Что-то произошло. Надо ждать, никуда не денешься...

Во внешности Анатолия Ивановича Борисова не наблюдалось ничего порочного, бандитского, кровожадного. А скорее даже наоборот. Посторонний человек, не знающий, кем является Борисов, принял бы его за молодого чиновника или преуспевающего коммерсанта, но не как за криминального авторитета. Фил относился к породе мужчин безоговорочно нравящихся женщинам. Тридцатилетний. Высокий. Широкоплечий. Фигура атлетическая. Что отчасти шло от природы, но более являлось следствием многолетних занятий подвижными видами спорта и постоянных тренировок. Крупная голова восседала на крепкой, но не перекаченной шее. Лицо круглое. Детали лица крупноватые, но не чрезмерные и резкие, а соразмерные, и даже приятные. Глаза умные, живые, но холодные и несколько надменные, что портило общее впечатление от портрета.

Одевался Фил не броско, но стильно и человек, разбирающийся в *шмотье*, сразу бы определил что дорого. Теперь на нём был тонкий

летний светлый валютный «балахон» из «Березы». Оттуда же настоящие штатовские джинсы «Ливайсы». Завершали гардероб роскошные и невероятно модные итальянские туфли — «инспектора». Дополняла картину конкретная *рыжая цепура* — толстая золотая цепочка — на шее...

Плѣс появился через полчаса. Это был крепкий, двадцатисемилетний парень. По внешнему виду «качѣк из пролетариев». Филу он составлял полную противоположность. Мощная квадратная фигура Плѣса с рельефной грудиной и широченными плечами выглядела столь не пропорциональной, что казалась составленной из двух самостоятельно живущих частей. Верхней — крупной и мощной. С огромными бицепсами, отчего руки Плѣса смотрелись неестественно укороченными. Несоразмерно маленькая стриженная «под ноль» голова Плѣса с простоватым, грубо слепленное Создателем лицом, на котором выделялись жѣсткие бусинки-глаза, восседала на короткой перекаченной «бычьей» шее. Нижняя часть Плѣсова тела с короткими «накаченными» тумбами-ногами казалась куцей, словно приплюснутой, сдавленной весом верхней части тела.

В отличие от щеголеватого Фила, одевался

Плѣс как попало. Теперь на нём был поношенный и грязноватый пѣстрый спортивный костюм «Адидаас» — *кооператорское летилово под фирму*, кроссовки «Найк», того же кооператорского пошиба и выдавшая виды короткая джинсовая куртка турецкого происхождения под которой угадывалась пистолетная кобура с толстой пистолетной рукоятью...

Плѣс беспрепятственно миновал Филову охрану. Мимолѣтом поздоровался крепким рукопожатием со старшим охраны Витькой Молотом, почтительно и в то же время по-товарищески с Филом. Плюхнулся в кресло рядом, бесцеремонно отхлебнул из Филовой чашки душистый «Липтон», закурил, глубоко и нервно затянулся, пустил к потолку мерцающую струю сизого дыма, достал из внутреннего кармана джинсовой куртки объёмный «кодаковский» фотопакет и протянул его Филу.

— Пацаны буквально за минуту до *мусоров* успели сфоткать. — Объяснил Плѣс. Фил достал пухлую пачку фотографий и принялся их рассматривать. На всех фотографиях оказались запечатлены *жмуры*. Одного Фил узнал — Лѣма: Лѣхиного бригадира. Все пацаны были застрелены. Лѣм же... Такого фокуса Фил никогда в жизни не видел. Грудина пацана на снимке выглядела развороченной точно взрывом противопехотной

гранаты... Но больше всего поразил Фила один снимок. Рядом с телом Лёма валялось окровавленное сердце. Настоящее человеческое сердце. Скорее всего, сердце самого Лёма.

Ничего себе! Такая *шняга*. Кто-то взял и вырвал сердце у «безобидного мальчика» Лёма — уличного бойца, боксёра и каратиста. *Офигеть!* Фил несколько раз просмотрел фотографии, потом спрятал их в конверт и вопросительно взглянул на Плёса.

— В общем Иваныч, «картина Репина Приплыли». Ты знаешь, под Лёмом девки сидят *путаны*. Недавно одна тварь задумала *соскочить*. Ну, я велел Лёму её наказать, а заодно и другим девкам на будущее урок преподать. Вчера Лём со своими пацанами выдвинулся к ней на хату... Сам видишь, чем это закончилось.

— Лёш, ты хочешь сказать, что девчонка *перевалила* четверых здоровых пацанов, да ещё у одного сердце вырвала? Она кто? Шварценеггер, Сигал?

— Я Иваныч это не говорю. Но кое-что *пробил*. Девки, которые с этой Пенелопой работали, рассказывают, что в последнее время она с пацаном каким-то крутилась. Пенелопа рассказывала, что собирается *завязать* и с этим пацаном уехать куда-то далеко. Думаю, пацан этот не местный. Может из периферийной братвы. Мы

их ищем. Я всю бригаду «на уши поставил». Мои пацаны круглосуточно дежурят на вокзалах, в аэропортах. Но у меня сил не хватает. Пособи Иваныч. Эта сука за пацанов кровавыми слезами должна умыться.

Фил посмотрел на Плёса пристально — изучающе, точно видел впервые...

— Вот что Лёша. Похороны пацанов *братва* должна взять на себя — дело святое. И семьям помочь надо. Что бы никаких *гнилых базаров*. Ты меня хорошо понял? Я тебе помогу. Людей дам, *бабки*. Девку и *пацана* искать день и ночь. За обнаружение обещаю своим хорошую премию. Да не жлобись. Лёша, их надо найти раньше *ментов*. Это важно. И, самое главное, пацана надо постараться взять живыми. Лёша, надо узнать, чей он. Может быть это «засланный казачок от нашего друга Черкеса». Если твои возьмут его живым, обещаю премию от меня лично... Дашь мне данные девки, я постараюсь *через ментов пробить* ... Да, и вот что. Предупреди своих, пацан крайне опасен. Пусть не *понтуются*, молодогвардейцев не корчат. Не тот случай. Не смогут взять живым, пусть *валят*.

Плёт попрощался и удалился, а Фил тотчас позвонил своему другу и бывшему однокласснику, а ныне «следаку» с Таганки, Петру Леонтьеву и договорился о встрече.

Через несколько часов в неприметном кооперативном «пивняке» недалеко от метро Павелецкое пили «рассыпное» пиво два человека, Анатолий Иванович Борисов и Пётр Витальевич Леонтьев. Пили пиво они странным манером. Жидкость в бокале Фила вообще оказалась нетронутой, поскольку это горькое и вонючее пойло Фил не любил и практически не употреблял. Он вообще не любил крепкие напитки, от которых теряешь контроль и становишься полным идиотом. Сыскарь же пиво любил и в другое время с удовольствием дерябнул бы бокал, другой. Но теперь он только едва успел пригубить янтарную жидкость и, забыв обо всём на свете, рассматривал Плёсовы фотографии...

Анатолий Борисов и Пётр Леонтьев дружили с детства. С первого класса. Дружбу эту пронесли через все школьные годы. Вместе мальчишками ходили сначала в хоккейную секцию, откуда к подающему спортивные надежды Толику Борисову прилипла кличка Фил — в честь великого канадского хоккеиста Фила Эспозито. Затем в секции бокса и каратэ. Сменив хоккей на, казавшиеся подросткам под впечатлением отечественных боевиков о лихих парнях из «десантуры» и спецназа, более мужские виды спорта. В старших классах вместе «тягали железо».

Плечом к плечу дрались на танцах. Вместе, приобщаясь ко взрослой жизни втихаря пили дешёвый «портвешок» (за что мать лупила Фила тем что под руку попадётся, а интеллигентная мама Пети плакала, так, что и у самого впечатлительного подростка Петюни становились мокрыми глаза). Курили, но сразу бросили, правда, потом на первом курсе института Петя всё же закурил. Фил же практически не курил. Лишь иногда, для снятия стресса, позволял себе выкурить сигаретку другую...

После школы судьба развела друзей. Папа Пети, профессор с серьёзными связями, «засунул» сына в университет, на юридический факультет. А Фил, не чувствующий в себе особой тяги к учению, имевший родителей «простых, из пролетариев», не имеющих влиятельных связей, «загрел» в армию. Отдал любимой Родине два года в «десантуре». Отслужил не из-под палки, а *по кайфу*. Потому как десант, это круто. Это лучшие парни Советской страны. Шпана даже *кодлой бздит*. Девки на *коканы* сами прыгают. Хотел Фил после дембеля остаться в родной части на сверхсрочную, да родители отговорили. По возвращению домой погулял Толян, как водится месяц, да и устроился к батю на завод гидравлического оборудования, что на Второй Хуторской улице в инструментальный цех. Там рукастый и башковитый Фил быстро пошёл в гору,

и уже через несколько лет стал бригадиром своей первой бригады. Пока ещё только комсомольско-молодёжной. Понемногу налаживался быт, пошли заработки. Фил начал копить на кооперативную квартиру и машину. Сначала на тачку — девок на заднем сидении *пялить*, потом на *хату* — *пялить* девок в роскошной холостяцкой постели...

Через несколько лет Толян женился на обалденно красивой девчонке из техотдела. Но семейная жизнь не задалась. Маринка ревновала Толика ко всем мало-мальски привлекательным заводским девчонкам. Семейная жизнь Толяна протекавшая в диких сценах и ссорах с каждым днём становилась всё более и более невыносимой. Через несколько лет Толян и Маринка расстались. От этого брака у Фила остались неприятные воспоминания, штампы в паспорте на соответствующих страницах и сын, судьбой которого Фил интересовался мало, но деньги Маринке на воспитание отпрыска «отчинял» регулярно и помогал чем мог...

А потом *приканала* Перестройка. В стране раковой опухолью разрастался, креп и мужал Его Величество Глобальный Бардак. Великая Советская Социалистическая Империя рушилась на глазах. Умный Фил быстро *прокоцал* что к чему. Из шпанистых пацанов своего района и заводской

секции карате, в которой подрабатывал инструктором, сколотил небольшую криминальную бригаду, ставшую впоследствии костяком его группировки. Группировки, наводившей ужас на всю столицу и приносившей немало хлопот и головной боли доблестным правоохранительным органам в лице родной «совейской ментовки»...

— Толян можешь мне поверить, я такого в жизни не видел. Как в американских триллерах. Где, говоришь, это произошло? На Башиловке?! Понятно. Я постараюсь узнать что смогу. Но одно точно скажу — ты серьёзно влип бандюган. На твоём месте я сделал бы вид, что ничего не произошло, и забыл.

— То есть, как забыл? Почему? А за пацанов кто ответит?

— Толик, они сами выбрали свой путь, заканчивающийся, как правило, в конце тоннеля в лучшем случае тюрьмой, в худшем — смертью. Такова их бандитская планида... Но это ерунда, так сказать лирика. А вот фото преинтересные. Чрезвычайно. Ты сам внимательно посмотри.

Пётр разложил перед Филом фотографии.

— ...Внимательно посмотри. Что ты видишь? Ты же десантник. — Фил, не понимающий, куда клонит друг, промолчал. — Три трупа с огнестрелами. Убиты парни попаданием в голову. В

голову, заметь, а не в более крупные части тела, что при движении цели стрелку исполнить значительно проще. Ты понимаешь, какого класса стрелок? Я в своей практике редко такое встречал. Убийца либо из спортсменов, либо из силовиков. А если взять четвёртого, с вырванным сердцем... Тут я даже не знаю что и предположить... Было бы сердце вырезано, тогда понятно, расстарался *отмороженный* садист-извращенец с «переклиненной башней». Но, по всей видимости, у парня его просто вырвали. Хладнокровно вырвали, и одновременно убили ещё троих парней... Не нравится мне это Толян. Очень не нравится.

Фил пристально посмотрел на друга и промолчал...

6

Электропоезд мерно стучал колёсами, вгоняя в сон. В тускло освещённом полупустом вагоне, возвращающийся с работы измотанный жарой народ дремал, не обращал на них ни какого внимания. И Улисс расслабился, не забывая, впрочем, о стоящем на боевом взводе пистолете за поясом и автомате рядом в спортивной сумке. Улисс таращился слипающими глазами в темноту окна, где время от времени из небытия, словно призраки, возникали едва освещённые унылые

полустанки и платформы, на которых электропоезд задерживался на короткое время и снова продолжал свой неутомимый путь в ночь.

Пенелопа, столько пережившая за этот злосчастный день, крепко спала, прижавшись к его могучему плечу. Теперь она удивительно была похожа на ту девочку из далёкого прошлого...

Тогда Улиссу исполнилось четырнадцать лет. И тогда тоже стояло лето. И был ненавистный Пансионат. И та девчонка, имени которой Улисс теперь спустя столько лет уже и не помнил.

Та девочка из далёкого детства нравилась ему. Улиссу нравилась её тоненькая стройная фигурка. Фигурка ещё девичья, подростковая, угловатая, но обещающая в недалеком времени стать обворожительной женской фигурой. Улиссу нравилось её красивое, и в тоже время не кукольное, как у многих других девчонок, а простое и милое лицо, с большими печальными глазами, обрамлёнными длинными ресницами.

Девчонка была старше Улисса на несколько лет, и казалась уже совсем взрослой девушкой. И он, забитый щенок даже не мыслил приблизиться к ней. Он любил её на отдалении. Любил той детской, первой любовью, которая потом в большинстве своём забывается, но след, от которой живёт где-то в памяти души всю жизнь.

Он мог часами исподтишка наблюдать за ней. Улиссе она казалась совершенством. У неё была удивительная улыбка. Улыбка не равнодушная, заученная, механическая как у других девчонок, а какая-то душевная, тёплая, живая. Улисс, не знавший своей матери всегда думал, что, наверное, такая улыбка должна быть у матерей. Улыбка вперемешку с грустью... Когда девчонка смеялась, с Улиссом что-то происходило. Всё окружающее унылое, серое, тусклое пространство Пансионата, словно по взмаху палочки волшебника преображалось, чудесным образом превращаясь в удивительный, сказочно-прекрасный мир, лишённый беспросветности, жестокости и насилия...

В тот злополучный день он случайно увидел, как старшекурсник ведёт эту девочку на озеро. Улисс знал зачем. На озере пансионатские ребята занимались любовью... Девочка шла за этим парнем, покорно, не сопротивляясь. А парень вёл её, не скрываясь, по-хозяйски. Как водят принадлежавшее тебе животное или робота... В какой-то момент она обернулась, и Улисс увидел её лицо. Отрешённое, чужое, полное боли... В тот день Улисс впервые убил человека. Убил, и получил свой первый и последний срок... Тогда из маленького, забитого мальчишки родился великий,

могучий, бесстрашный, умный и непобедимый воин Улисс, наводивший ужас на весь так называемый цивилизованный мир.

Пенелопа напомнила ту далёкую девочку своей незащищённостью, полным доверием его силе...

...Их наверняка ищут. Точнее ищут Пенелопу. Она сама рассказала, что у гангстеров есть все её координаты... По логике им теперь оставаться вместе нельзя. Это слишком опасно. Наиболее верно в этой ситуации ликвидировать Пенелопу и уходить. Из своего опыта Улисс знал, что одному выскочить из капкана всегда легче... Ещё несколько дней назад Улисс не задумываясь, так бы и поступил. Но теперь он даже самую эту мысль не допускал. За эти дни что-то произошло с ним, и он твёрдо знал, что никогда не сможет причинить ничего плохого этой девочке... Улисс улыбнулся, подумав, как позабавились бы его парни, увидев своего Отца в таком состоянии. Впрочем, теперь ему на это было наплевать. Пусть попробует любой засмеяться ему в лицо... Улисс почувствовал, как мышцы наливаются могучей, нечеловеческой силой и волна жгучей ненависти на мгновение захлестнула его. Да так, что трудно стало дышать... Захлестнула и исчезла. Улисс аккуратно, стараясь

не разбудить девушку, обнял её хрупкое тёплое тело, и она, не просыпаясь, крепко прижалась к нему...

...Пенелопу ищут. Его тоже ищут. Но это не страшно. На него у силовиков и гангстеров ничего нет. Никаких данных, примет, следов. Вообще ничего, что могло бы привести к нему. Пока время работает на Улисса. Теперь, единственное чего ему не хватает — финансовых средств, чтобы выскочить из-под удара. Но на этот счёт у него имелись кое-какие соображения...

Электропоезд остановился на конечном полустанке. Улисс с трудом растолкал крепко спящую Пенелопу, и они вышли на пустынную платформу.

Дневная жара ушла. Ночь принесла свежесть, прохладу и спокойствие. Улисс огляделся. Впереди, метрах в трёхстах располагалось здание ангара электропоездов. Слева — мрачные серые малоэтажные жилые строения городской окраины. Справа в густой зелени деревьев виднелись крыши частных владений. Пенелопа осмотрелась и уверенно двинулась вперёд. Они долго шли по пустынным, плохо освещённым улицам и наконец, остановились у забора одной усадьбы. Пенелопа позвонила, и через несколько минут в глубине сада

блеснул яркий луч света — кто-то отворил дверь, слышались старческие шаги.

— Кто там? — Раздался за забором настороженный женский голос.

— Баб Варя, это я, Пенелопа.

— Алинушка, девочка моя, неужели это ты? — Обрадовалась женщина за забором. С металлическим лязгом отворилась дверь, и Улисс увидел маленькую седовласую старушку. — Алинушка, что случилось? А это кто с тобой? — С опаской спросила старушка.

— Баб Варя это Иван. Мой друг. Если можно мы некоторое время поживём у тебя.

— Девочка моя, живи, сколько захочешь. Ты знаешь, тебе я всегда рада... Да что же мы стоим на улице. В дом идите детки. Я чайку организую...

— ...Не обидишься Ваня, если я тебя по-стариковски прямо спрошу. У тебя с Алинушкой как, по-современному или по-людски? — Спросила Варвара Петровна, строго и внимательно смотря Улиссу в глаза.

Они вдвоём сидели за столом на веранде, и пили, какую уже по счёту чашку душистого горьковатого чая. Уставшая Пенелопа крепко спала в соседней комнате. Не разбирающийся в речевых оборотах старинного языка Улисс не нашёл что ответить. Старушка восприняла молчание

по-своему.

— Я тебе парень вот что скажу. Эта девочка золото. Истинное золото. Ты её не обижай. Она и так в жизни нахлебалась. А к тебе она привязалась. Я это вижу. Алинушка не из тех с кем можно поиграть и бросить. Если ты такое с ней задумал — лучше уйди. Уйди теперь. Она потоскует, поболует и забудет. А чем дальше ты с ней останешься... Ты разорвёшь её сердце. Так что если ты мужик решай теперь. Я тебе дам несколько дней. А потом, не обессудь...

Улисс посмотрел бабе Варе в глаза и твёрдо ответил. — Я остаюсь...

Была уже глубокая ночь. Пенелопа спала, крепко прижавшись к нему. Улисс не спал. Лежал с открытыми глазами и размышлял.

Кто организовал его перемещение? Очень дорогостоящее перемещение. Активация временного портала — это колоссальная, гигантская энергия. В принципе, врагов у Улисса, как выражается Пенелопа «до утопа» но никому из них в одиночку не по силам грандиозное финансирование его перемещения. Операцию такого уровня может подготовить либо всепланетарное правительство, либо объединённая группа его конкурентов и врагов. Кто входит в эту

группу?... Вопрос сложный. Проблема в том, что у Улисса слишком много конкурентов, соперников, врагов. Настолько много, что даже просто перечислить их сложно. Не говоря о том, чтобы точно определить инициаторов этого перемещения...

Ладно, оставим этот вопрос открытым. Но как удалось похитителям вытащить его из Клуба? Вот это основной вопрос. В нём вся разгадка. Комплекс Клуба настолько сверхзащищённое сооружение, что из него просто невозможно совершить похищение... Невозможно? Но похищение состоялось. И состоялось, скорее всего, не без помощи самых близких Улиссу людей. А самые близкие Улиссу люди, как не крути, Ахилл и Трапп...

Нет, этого не может быть. Улисс не хотел допускать даже гипотетически подобную мысль.

А, собственно почему? Потому что они выросли и сдружились в Пансионате? Потому что он вытащил Ахилла и Траппа со дна и сделал их влиятельными людьми Семьи? Траппа генеральным управляющим марсианской колонии, а Ахилла Управляющим финансами Семьи здесь на Земле... Ну и что? Всё это ерунда. В последнее время слишком часто они не могут найти общий язык. Слишком часто у них возникают конфликты и трения...

Хорошо, допустим, что похищение дело их рук. Но Ахилл и Трапп не смогли бы осуществить задуманное без поддержки большинства наиболее влиятельных членов Семьи. А это уже заговор...

Улисс осторожно, стараясь не разбудить Пенелопу, встал и вышел на террасу. Над миром царила тишина. Всё вокруг погрузилось в сон. Неслышно было даже птиц. Только разбуженные лёгким неугомонным ветерком спящие деревья что-то недовольно бормотали со сна своими сонными кронами. Да откуда-то издалека, со стороны депо доносились приглушённые расстояниям короткие пересвисты готовящихся в утренний рейс электропоездов. И над всем этим ночным покоем, разрывая тьму ночи холодным надменным зеленовато-охристым светом, величественно сиял диск Луны. Его, Улисса, Луны.

...Похищение не могло состояться без серьёзной подготовки...

Он вдруг подумал о том, как вовремя Трапп оказался на Земле, в Клубе именно в тот день... Правительство отвлекло внимание Улисса, приковав его на несколько месяцев к Луне. Этих месяцев хватило Траппу, чтобы благополучно добраться до Земли. И время проведения своей акции заговорщики рассчитали точно — именно

теперь Марс максимально приближён к Земле...

Чёрт возьми! Почему это раньше не пришло ему в голову. Отвлекающий манёвр позволил заговорщикам выиграть время и накопить энергию для активации временного портала...

А ведь Улисс уже давно чувствовал, что надвигается нечто. Чувствовал, и не придавал этому значение. Точнее, втянутый в лунный конфликт он просто не имел времени всё правильно просчитать...

Обида захлестнула Улисса. Сколько он сделал для Семьи. Сколько конкурентов разгромил и сколько выиграл малых и больших войн. Сколько совершил побед. Он за короткое время, всего несколько лет, колоссально увеличил финансовое могущество Семьи и поднял её статус до всепланетарного масштаба. Он значительно расширил территорию подконтрольную Семье. Особенно на Марсе и Луне. Увеличив крошечный лунный сектор, доставшийся ему в наследство от Гая Непобедимого и превратив его, по сути, в могучую цитадель. Аналогично обстоят дела и с Марсом... И что же? Как говорит Пенелопа: «мавр сделал дело, мавр может удалиться»?

Хорошо, дорогие «братья и партнёры», Улисс умеет ждать. Умение ждать, это одно из составляющих искусства войны и Улисс в

совершенстве владеет этим искусством. Улисс будет ждать столько, сколько потребуется, чтобы нанести ответный удар. Удар, который он планировал нанести. Удар, который изменит многое на старушке-Земле...

А теперь необходимо адаптироваться и выжить в этом чужом ему мире... Почему чужом? Это мир его Пенелопы. И в этом мире у него есть Пенелопа...

7

Не успел Игорь Николаевич Серебров появиться в отделе и выпить чашку чая, как его вызвал к себе шеф — полковник Фёдор Васильевич Колосов...

С начальником Игорю повезло. Многие коллеги из других районных отделов откровенно завидуют Игорю. Фёдор Васильевич служил в «МУРе». Даже там, среди цвета столичных сыщиков считался авторитетом и легендой. Следователь Колосов за свою жизнь только громких преступление раскрыл столько, что их с лихвой хватило бы десятку следователей на долгую, до пенсии службу. В райотдел начальником следственного отдела Фёдора Васильевича перевели год назад, сразу по

присвоении ему полковничьего звания. Перевели формально с повышением, а реально отправили в райотдел в своеобразную ссылку — от начальственных глаз и ушей подальше, поскольку прямодушный и честный следователь не мог спокойно видеть, что творится в последнее время в его родном «МУРе», которому он отдал всю жизнь и благоразумно, как другие, язык за зубами не держал...

— Вот что Игорь Николаевич, вчера на Башиловке обнаружены четыре трупа. — Сказал полковник, поздоровавшись со следователем.

— Васильич, Башиловка не наша земля...

— Не спеши Игорёк поперёд батьки в пекло. Земля не наша, верно. А дело... Слушай внимательно. Три трупа обычные — с огнестрелами... Хотя, не совсем обычные. «Убиты с расстояния четыре, шесть метров попаданием в головы». В головы Игорёк. Смекаешь? А вот четвёртый. У четвёртого «вырвано сердце, путём проникновения внутрь грудной клетки инородного предмета, предположительно руки убийцы, с извлечением из тела погибшего, его сердца». — Прочитал полковник выдержку из городской сводки. Глаза Игоря от удивления, как говорится полезли на лоб... Как это, проникновение внутрь тела руки убийцы?... не металлического предмета,

ножа, например, а обыкновенной человеческой руки!? Фантастика!?!... — А, как тебе? Ничего не напоминает? Ты Игорь Николаевич свяжись с районными ребятами. Подъезжай к ним. Сам знаешь твоё дело на высоком контроле. Надо не ударить в грязь лицом... Глядишь, может в башиловском чего интересного, и найдёшь... И не возражай. Считай это приказом.

Ничего не поделаешь, Игорь позвонил в башиловский райотдел и узнал, что ведёт расследование убийства капитан Прохоров. Но в данный момент капитана отсутствовал. Дежурный подсказал, что к вечеру Прохоров обязательно должен появиться.

В райотдел Игорь приехал к шести вечера и застал капитана Александра Борисовича Прохорова на месте. Небольшая комната следственного отдела оказалась забита следователями и оперативниками. Капитан проводил совещание. Офицеры наскоро познакомились, капитан представил Игоря своим коллегам и предложил ему присутствовать на совещании.

Чем больше Игорь слушал коллег, вникал в материалы их расследования, тем отчётливей понимал, что приехал сюда не зря. Старый сыщик, как всегда оказался прав. И хотя внешне его